

Миграционная политика США в отношении государств североамериканского континента

И.П. Цапенко

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук

Цель статьи состоит в раскрытии содержания, проблем и последствий миграционной политики США в отношении государств североамериканского континента. Исследование сосредоточено на выявлении основных направлений и оценке перспектив назревшего реформирования региональной миграционной политики США. Методология исследования строится на применении системного и акторного подходов к анализу миграционных процессов на континенте, представляемом как миграционный макрорегион; рассмотрении миграционной политики в контексте концепции регионализма: интеграционного строительства в рамках НАФТА-ЮСМКА и более широких и многовекторных инициатив по управлению передвижениями в регионе, реализуемых вне рамок данного объединения; использовании инструментов теоретического обобщения и статистического анализа.

Результаты исследования показывают, что миграция населения на континенте, в первую очередь из Мексики и стран Центральной Америки в США, отличается высоким уровнем регионализации (сосредоточенности в регионе). В силу массовости стихийных потоков недокументированных мигрантов (не имеющих необходимых документов для въезда, пребывания и занятости в стране назначения), включая лиц, ищущих убежища, страны региона сталкиваются с серьёзными, нередко общими вызовами, усугубляемыми пандемией COVID-19.

Миграционное взаимодействие США со странами региона осуществляется по разным направлениям. Оно включает ограниченную либерализацию передвижений отдельных категорий специалистов и представителей бизнеса между тремя странами-участницами НАФТА-ЮСМКА. В большой мере такое взаимодействие ориентировано на сдерживание притока в США нежелательных, в первую очередь недокументированных, мигрантов, что придаёт этим отношениям асимметричный характер по оси центр – периферия. Подобная политика непоследовательна и далеко не всегда результативна, к тому же регулярно порождает острые гуманитарные кризисы на границах государств региона. Перед администрацией Д. Байдена стоят трудные задачи по реформированию миграционной политики в период пандемии и роста общественного напряжения. Континентальный масштаб проблем недокументированной миграции обуславливает необходимость строительства регионального сотрудничества на более справедливой и равноправной основе, чтобы продвинуться по пути содействия безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

УДК: 314.7, 325, 327

Поступила в редакцию: 15.07.2021 г.

Принята к публикации: 08.10.2021 г.

Рассмотрение региональной миграции и миграционной политики с применением категорий теории регионализации привносит новые слагаемые и грани в научный дискурс и концептуальные конструкции данных феноменов. В условиях усиления глобальной нестабильности, повышающей риски миграционных кризисов, изучение опыта и уроков ответов на вызовы перемещений населения в Северной Америке может оказаться полезным и в практике предупреждения и оперативного урегулирования чрезвычайных ситуаций в разных точках земного шара.

Ключевые слова: миграционный регион, регионализация миграции, миграционный регионализм, миграционная политика, США, Мексика, Центральная Америка, Д. Байден

Миграция из Мексики и стран Центральной Америки в США – традиционно главная магистраль людских передвижений на североамериканском континенте. Поставляя ресурсы для развития как принимающих государств (в первую очередь человеческие ресурсы), так и отдающих стран (финансовые и социальные трансферты), этот поток одновременно влечёт за собой ряд проблем, которые резко обострились в период пандемии COVID-19. Разработка эффективных ответов на вызовы, порождаемые стихийными перемещениями населения с юга североамериканского континента, стала одним из ключевых вопросов миграционной политики США. Изучение накопленного Соединёнными Штатами опыта реагирования на подобные передвижения может оказаться полезным при принятии управленческих решений в условиях угроз миграционных кризисов, периодически возникающих вблизи границ и российского государства.

Рассмотрению особенностей иммиграции в США, крупнейшего в мире реципиента приезжего населения, и их миграционной политики в контексте глобальных и национальных перемен посвящён большой массив как зарубежных, так и российских публикаций, в том числе охватывающих и недавно начавшийся период президентства Д. Байдена (Кудеярова 2021; Лебедева 2019; Лебедева, Аксенов 2021; Никольская 2020; Цапенко 2020 и др.¹). В то же время вопросы регионализации миграционных процессов и миграционного регионализма на североамериканском континенте представляются недостаточно освещёнными и теоретически проработанными в отечественных исследованиях, и в настоящей статье поставлена задача частично восполнить этот пробел.

¹ Никольская Г.К. Иммиграционная политика администрации Джозефа Байдена – итоги первых ста дней. *ИМЭМО РАН*. 20.04.2021. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/immigratsionnaya-politika-administratsii-dzhozefa-baydena-itogi-pervih-sta-dney> (дата обращения 17.10.2021); Никольская Г.К. Иммиграционная политика США: отсутствие прогресса, нарастание сложностей. *ИМЭМО РАН*. 16.09.2021. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/immigratsionnaya-politika-ssha-otsutstvie-progressa-narastanie-slozhnostey> (дата обращения 17.10.2021)

В связи с отсутствием общепринятых дефиниций и многозначности терминов «регион» и «регионализм» автор предлагает собственную трактовку этих категорий применительно к миграционной сфере. С опорой на системный (Mabogunje 1970; Ивахнюк 2016) и акторный (Nita 2013; Лебедева 2013) подходы в статье предпринята попытка определения понятия миграционного региона и выделения североамериканского региона в иных границах, нежели принято в демографической статистике ООН. Используя классические теории (Farrell, Hettne, Van Langenhove 2005) и современные концепты регионализма (Ефремова 2017), автор пытается выявить суть миграционного регионализма и, в отличие от его распространённого толкования сквозь призму интеграционных объединений (Pellerin 1999; Migration 2017), рассматривает данный феномен в более широком ключе.

С данных методологических позиций предполагалось решение целого ряда задач исследования. В их числе – оценка степени, динамики и характера регионализации (региональной ориентации) миграции на континенте с использованием данных ООН, ведомственной статистики США, экспертных оценок; определение и объяснение причин ключевых миграционных проблем региона; выявление основных черт американского миграционного регионализма, его специфики по сравнению с ЕС; характеристика мер США, в том числе осуществляемых совместно и другими странами региона, по сокращению недокumentированной миграции; описание возможных направлений реформирования миграционной политики США; оценка потенциала и перспектив реализации возможных мер по созданию условий для безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

Регионализация миграции на североамериканском континенте

Несмотря на огромный массив публикаций по регионалистике, в научной литературе до сих пор нет единых общепринятых определений «региона», «регионализации» и «регионализма», сложились разные подходы к их изучению и раскрывающие их смысл теоретические конструкции. Понятие региона, по сути, универсально. Оно может обозначать и часть более крупного в географическом отношении целого (например, часть света), и административную единицу, и однородное пространство в природном, экономическом, культурном и прочих отношениях, и общественный организм с гораздо более сильными внутренними отношениями, потоками и обменов, нежели его связи с внешним окружением (например, международные региональные объединения). Более конструктивным и адекватным представляется видение региона одновременно в территориальной и социальной оптике. Именно в таком ключе рассматривают регион французские географы: воспринимаемый как единое (территориально непрерывное) и интегрированное внутренними связями пространство, имеющее определённую автономию, стабильность и в то же время подвижные,

порой стёртые границы, регион представляет собой динамичный социальный конструкт (Mareï, Richard 2020: 18). Растущую популярность подобного подхода подчёркивает российский политолог В. Щипков: «... всё чаще озвучивается идея о регионе как образной и меняющейся сущности, которая определяется не только границами, но и многими внутренними и внешними факторами» (Щипков 2017: 17).

Подобная характеристика региона в географической и функциональной проекциях отражает влияние предложенных М. Кастельсом концептов пространства места и пространства потоков. Первое создаётся и контролируется государствами, второе относится к сфере деятельности негосударственных акторов (Castells 1996). Рассмотрение передвижений населения между соседними или близко расположенными государствами одновременно в этих двух налагающихся друг на друга пространствах: во-первых, миграционных потоков и встречных трансфертов и, во-вторых, мест (или пунктов) исхода, транзита и назначения мигрантов – позволяет выделять международные миграционные регионы, или миграционные макрорегионы.

Начало представлениям о географическом структурировании людских потоков было положено формулированием ещё в XIX в. английский географом Э. Равенстайном «законов миграции». Согласно данным законам, географический фактор является одним из ключевых детерминантов перемещений населения: большинство мигрантов переезжает на короткие расстояния, и интенсивность миграционных потоков между двумя географическими пунктами обратно пропорциональна расстоянию между ними. Английский социолог и экономист Р. Скелдон, разработавший классификацию регионов мира по моделям миграции, установил, что между географически близкими, но разными по уровню развития странами складываются функциональные миграционные отношения.

Вместе с тем ключевую методологическую роль при построении региональных миграционных схем сыграло применение системного подхода к анализу миграции, предложенного нигерийским географом А. Мабогунье и получившего за рубежом дальнейшую разработку в трудах А. Портеса, Д. Мэсси и других, а в России – И. Ивахнюк (Ивахнюк 2016) и А. Топилина (Топилин 2021). В рамках подхода было дано определение международной миграционной системы как совокупности стран, объединённых миграционными связями, которые складываются под воздействием комплекса исторических, культурных, политических, торгово-экономических, демографических, политических и информационных факторов, отличаются масштабностью и устойчивостью и в свою очередь вызывают интенсификацию встречных обменов между этими странами и трансформации в последних (Ивахнюк 2016: 29). Применительно к странам конкретной географической зоны такую совокупность мест и связывающих их миграционных отношений можно охарактеризовать как региональную миграционную систему, составляющую каркас миграционного региона.

Дополняя системный подход акторным и учитывая действия в сфере миграции акторов разных типов и уровней (правительств, представителей бизнеса, гражданского общества, индивидов, сетей, диаспор и др.), миграционный регион следует рассматривать в более широком ключе. На наш взгляд, это не только совокупность мест и связывающих их миграционных отношений, но и средоточие возникающих в ходе этих отношений проблем и противоречий, требующих создания эффективных, в том числе коллективных, механизмов регулирования в данном ареале.

С позиций и в терминах регионалистики формирование и последующее функционирование региона (в нашем случае миграционного региона) может происходить двояким образом. Во-первых, как процесс, конструируемый и управляемый правительствами и идущий сверху вниз, – это так называемый регионализм. Во-вторых, как процесс, инициированный прочими – негосударственными, прежде всего коммерческими – акторами, развивающийся естественно, спонтанно снизу вверх в рамках межстрановых (горизонтальных) отношений и потоков, нередко именуемый регионализацией (Ефремова 2017; Mareï, Richard 2020: 10). Однако очевидно, что эти процессы взаимосвязаны и не существуют в чистом виде, а предлагаемые для их характеристики термины имеют и иные трактовки. Например, с точки зрения пространственной динамики, под регионализацией понимается «региональная концентрация обменов, ... развивающихся между территориальными единицами, расположенными в одной и той же части мира, быстрее, чем с остальной частью мира» (Mareï, Richard 2020: 8).

Последняя дефиниция весьма созвучна определению регионализации миграции в миграционных исследованиях. Этот процесс интерпретируется как возникновение и усиление миграционной комплементарности и взаимозависимости стран определённого ареала, которые проявляются в нарастании ориентации людских потоков, исходящих из одних государств данной зоны, на другие, расположенные в этой же зоне. Это предполагает формирование коридоров трудовой миграции между территориями относительного избытка рабочей силы и повышенного спроса на неё, сплетение трансграничных социальных сетей мигрантов и складывание цепного характера миграции, сказывающегося в возникновении последующих волн передвижений разных категорий мигрантов. Направленности потоков на близлежащие государства способствуют меньшие издержки переезда, равно как и возврата, более привычные или более знакомые условиями жизни и труда, облегчающие адаптацию и устройство на новом месте и т.д. (Цапенко 2017). Именно в таком ракурсе рассматривается в статье регионализация миграции.

Хотя предлагаемое в регионалистике определение регионализации как неформальной, функциональной, пассивной интеграции стран региона, не исчерпывает содержания регионализации миграции, оно очень точно отражает спонтанный характер развития этого процесса в Северной Америке. В отли-

чие от Европы, последний протекал автономно от государства в силу общности истории и культуры, географической близости, императивов конкуренции и экономической эффективности, эффектов инвестиционных потоков и производственной динамики и т.п. Прочные, устойчивые миграционные связи сложились к середине прошлого века, задолго до заключения в 1994 г. Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА). На наш взгляд, ярким проявлением подобного типа интеграции стали многолюдные потоки нелегальных мексиканских сезонников – брасеро (от испанского слова «*brazo*» – рука), сопоставимые по обильности с приёмом таких рабочих на легальных основаниях преимущественно для сельского хозяйства (5 млн) в рамках программы «Брасеро» в 1942-1964 гг. Однако, как справедливо подмечает Е. Комкова, государство всё же выполняло определённую, хотя и довольно ограниченную роль в интеграционном процессе: оно не руководило интеграцией, не подталкивало к ней, но и препятствовало ей, защищая национальные интересы (Комкова 2018).

Ныне североамериканский ареал относится к числу главных миграционных кластеров на планете. Хотя в демографической статистике ООН в состав североамериканского региона традиционно включают только США и Канаду (как относительно однородное пространство), что сказывается в заниженных показателях регионализации (региональной направленности) людских потоков², маршруты и интенсивность передвижений населения на материке, позволяют выделить гораздо более крупный миграционный регион, охватывающий практически весь континент, с ядром или главным полюсом притяжения мигрантов в США (дополняемых Канадой). При таком подходе уровень *регионализация иммиграции* в США, оцениваемый вычленением *в общей численности приезжих в стране или регионе доли выходцев из того же самого региона*, достигает высоких значений. В первую очередь это касается потоков с юга материка, стимулируемых давними экономическими и социальными связями и характеризовавшихся на протяжении последних десятилетий устойчивой интенсификацией. Более того, передвижения населения из южной части материка – важнейшее слагаемое иммиграции в США. Численность иммигрантов из Мексики, стран Центральной Америки (ЦА) и Карибского бассейна (КБ) в США возросла за последние 30 лет почти в 2,5 раза: с 8,5 млн в 1990 г. до 16 млн в 2000 г. и 21 млн в 2020 г. (наиболее массовые категории составляют выходцы из Мексики, Сальвадора, Кубы, Доминиканской Республики и Гватемалы). В 2020 г. доля уроженцев

² Так, хотя в США проживает более 60% эмигрантов из Канады, к 2020 г. доля выходцев из Канады среди иммигрантов в США равнялась лишь 2% и сократилась пятикратно с 1960 г., а доля эмигрантов из США, проживавших в Канаде, составляла 30% от всех выбывших из США (Israel E., Batalova J. Canadian Immigrants in the United States. *Migrationpolicy*. June 15, 2021. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/canadian-immigrants-united-states-2021> (accessed 17.10.2021))

данных государств среди иммигрантов, проживавших в США, составила 42% по сравнению с 37% в 1990 г.; однако в последнее десятилетие этот показатель снизился с уровня 2000–2010 гг. – 46% – из-за убыли мексиканцев на фоне динамичного притока в США населения Азии и Африки. (Таблица 1). Эмиграция с юга континента также отличается чрезвычайно высокой регионализацией – долей уроженцев стран региона, проживавших в других странах того же самого региона, среди всех эмигрантов из региона. Так, на США направлено 90% потоков населения из Мексики, стран ЦА и КБ.

Таблица 1. Численность и доля мигрантов из Мексики, стран Центральной Америки (ЦА) и Карибского бассейна (КБ) в США, 1990–2020 гг.

Table 1: Number and proportion of migrants from Mexico, Central America, and the Caribbean in the United States, 1990–2020

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Общая численность мигрантов в США, тыс.	23 251	28 451	34 814	39 258	44 184	48 179	50 633
В том числе с юга материка:	8 514	12 256	16 058	17 986	20 518	21 056	21 140
из Мексики	4 298	6 828	9 411	10 611	12 169	11 643	10 853
из стран ЦА	1 128	1 594	2 070	2 493	3 003	3 494	3 905
из стран КБ	3 088	3 834	4 577	4 883	5 346	5 919	6 381
Доля мигрантов с юга материка в общей численности мигрантов в США (%)	37	43	46	46	46	44	42
В том числе доля мигрантов из Мексики	18,5	24,0	27,0	27,0	27,5	24,2	21,4
Доля мигрантов из Мексики среди мигрантов с юга материка в США	50,5	55,7	58,6	59	59,3	55,3	51,3

Источники: Составлено и рассчитано по United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migrant Stock 2020: Destination and origin. POP/DB/MIG/Stock/Rev.2020. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed 17.10.2021)

Хотя глобализация спрессовывает пространство, устраняя препятствия, связанные с дальностью расстояний, в последние десятилетия, особенно в условиях кризиса глобализации в её прежнем формате, в мире наблюдалась выработанная тенденция к регионализации миграционных процессов. Региональная ориентация потоков сохранялась и в условиях пандемии. На фоне резкого ослабления трансграничных передвижений, произошедшего в результате широкомасштабных антиковидных ограничений мобильности, перемещения между соседними государствами зачастую подвергались меньшим рестрикциям и были интенсивнее. Более того, при отступлении угроз инфекции возникали коридоры почти беспрепятственных перемещений жителей соседних государств – так называемые пузыри мобильности (например, между Австралией и Новой Зеландией или между странами Балтии). Хотя подобные официальные «проходы» не сложились в Северной Америке в силу постоянных ограничений передвижений между США и Мексикой, а также Канадой, сказавшихся в сжатии потоков, перемещения, считающиеся необходимыми для экономики и

социальной сферы указанных стран, никогда не прерывались и оставались довольно устойчивыми (Papademetriou 2020; Benton et al. 2021).

Миграция жителей юга материка в США, представлявшие им обителью благосостояния и демократии, вызвана (скорее вынуждена) хроническим неблагополучием в странах региона, особенно в ЦА. Среди главных и взаимосвязанных причин – преступность (в том числе организованная, связанная с наркотрафиком, и рэкет в местных сообществах; причём по числу совершённых убийств Сальвадор и Гондурас относятся к наименее безопасным странам); неразвитость демократии, политическая нестабильность и конфликты (характерные для Гондураса и Гватемалы, а во второй половине прошлого века приведшие к затяжным гражданским войнам в Сальвадоре и Гватемале); регулярные и разрушительные природные бедствия; экономическая отсталость; застойная, хроническая бедность, напряжённая ситуация на рынке труда, особенно в молодёжном сегменте, и другие острые проблемы в регионе.

Большой ряд исследований, в том числе отечественных, указывает на значимость миграции в разных сферах жизни как отдающих, так и принимающих стран (Глушенко 2006; Ионцев 1999; Культурная сложность 2016; Рязанцев, Ткаченко 2010 и др.).

Не претендуя на полный охват всех аспектов влияния миграции с юга североамериканского континента в США на включенные в этот процесс общества, приведём лишь несколько показательных фактов. Согласно оценкам «Глобального партнёрства в области знаний по миграции и развитию» (KNOMAD) в 2020 г., вопреки антиковидным ограничениям мобильности, совокупные денежные переводы мигрантов составляли внушительную часть ВВП стран ЦА и КБ: в Гондурасе – 24%, в Сальвадоре и на Гаити – 22%, в Гватемале и Никарагуа – 15%³. Львиная часть данных средств приходилась на трансферты из США.

В США, позиционирующих себя в качестве нации иммигрантов, выходцы из Латинской Америки играют заметную роль в политических процессах. Недавний пример – поддержка на президентских выборах 2020 г. значительной частью испаноамериканцев Д. Байдена, пообещавшего либерализовать миграционную политику. За Д. Байдена проголосовало 59% выходцев из Латинской Америки (итоговый результат Д. Байдена на выборах – 51%), тогда как у Д. Трампа этот показатель составил 38% (общий процент голосов – 47%). В итоге данная категория избирателей (на долю которых приходится 10% электората) принесла 11% голосов кандидату от демократов и только 8% выдвиженцу республиканцев⁴. Показателен и состав нынешнего 117 состава Конгресса:

³ Migrant Remittance Inflows (US \$ million). KNOMAD. URL: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2021-05/Inward%20remittance%20flows%20May.%202021.xlsx> (accessed 17.10.2021)

⁴ Igielnik R., Keeter S., Hartig H. Behind Biden's 2020 Victory. An examination of the 2020 electorate, based on validated voters. Pew Research. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/06/30/behind-bidens-2020-victory> (accessed 17.10.2021)

среди 532 его членов с правом голоса насчитывается 30 уроженцев юга Северной Америки, прежде всего Мексики и Кубы, или их потомков в первом поколении⁵.

Мигранты с юга вносят важный вклад в обеспечение рабочей силой экономики страны, особенно её южных штатов, и он, вероятно, будет возрастать, учитывая перспективы замедления демографического роста в США⁶. В 2018 г. мигранты из Латинской Америки и их потомки, рождённые в США, составляли 17% экономически активного населения страны⁷.

В то же время идущая с юга континента миграция, прежде всего, её стихийные, неупорядоченные потоки, сопряжена с серьёзными вызовами, такими как разрастание этнических анклавов, повышение преступности, распространение инфекционных заболеваний и т. п. Это в свою очередь, как показывает Н. Кудеярова, актуализирует и заостряет проблемы национальной безопасности и усиливает политизацию иммиграционного вопроса в США (Кудеярова 2019).

В отличие от передвижений населения между США и Канадой, равно как и из Мексики в Канаду, почти полностью легальных, с высокой долей специалистов среди поселенцев⁸, существенная доля выходцев из Латинской Америки в США – 44% экономически активных приезжих (многие из которых не имеют полного среднего образования) – нелегально въехали в эту страну, проживают там с просроченными визами или имеют другие нарушения правил пребывания и занятости⁹, то есть считаются недокументированными, незаконными, нелегальными, нерегулярными мигрантами. Хотя перечисленные определения мигрантов используются как синонимы, в документах международных организаций всё большее предпочтение отдается термину «недокументированные»¹⁰.

По оценкам Исследовательского центра «Пью», в 2017 г. когорта недокументированных мигрантов достигала 10,5 млн человек. Примерно 47% «теневого»

⁵ Atske S. Immigrants and Children of Immigrants Make up at Least 14% of the 117th Congress. February 12, 2021. *Pew Research*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/02/12/immigrants-and-children-of-immigrants-make-up-at-least-14-of-the-117th-congress> (accessed 17.10.2021)

⁶ Chishti M., Capps R. Slowing U.S. Population Growth Could Prompt New Pressure for Immigration Reform. May 26, 2021. *Migrationpolicy*. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/slowing-us-population-growth-immigration-reform> (accessed 17.10.2021)

⁷ Latinos' Incomes Higher Than Before Great Recession, but U.S.-Born Latinos Yet to Recover. *Pew Research*. March, 2019. URL: https://www.pewresearch.org/hispanic/wp-content/uploads/sites/5/2019/03/Pew-Research-Center_Latino-Incomes-Report_2019-03-07.pdf (accessed 17.10.2021)

⁸ Haren I., Masferrer C. Mexican Migration to Canada: Temporary Worker Programs, Visa Imposition, and NAFTA Shape Flows. March 20, 2019. *Migrationpolicy*. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/mexican-migration-canada> (accessed 17.10.2021)

⁹ Latinos' Incomes Higher Than Before Great Recession, but U.S.-Born Latinos Yet to Recover. *Pew Research Center*. March, 2019. *Pew Research*. URL: https://www.pewresearch.org/hispanic/wp-content/uploads/sites/5/2019/03/Pew-Research-Center_Latino-Incomes-Report_2019-03-07.pdf (accessed 17.10.2021)

¹⁰ ООН, в частности УВКПЧ и УВКБ, рекомендуют ограничить употребление терминов «нелегальный мигрант» и «незаконный мигрант» в адрес нарушителей государственной границы. Рассматривая в целом подобные характеристики как некорректные и наносящие ущерб, эти агентства предлагают называть мигрантов, в первую очередь вынужденных, не имеющих необходимых документов для законного въезда, пребывания и занятости в искомой стране, «недокументированными» или «нерегулярными».

населения в США формируют выходцы из Мексики, 18% – из государств так называемого «Северного треугольника» ЦА – Гватемалы, Гондураса и Сальвадора¹¹. Вместе с тем в 2010-е гг. наметилась тенденция к сокращению общей численности незаконных мигрантов по сравнению с максимальным значением 12,2 млн в 2007 г., в первую очередь за счёт уменьшения её мексиканского компонента. Возможно, регионализация уже прошла свой апогей, внося лепту в интеграцию региона, и теперь постепенно вступает в соответствующее более зрелой стадии последней организованное русло – по крайней мере, миграционное взаимодействие между Мексикой и США.

Свидетельством тому – не только и не столько массовые депортации задержанных недокументированных мигрантов, особенно в период 2007–2014 гг., сколько ослабление потока пытавшихся нелегально пересечь границу, проявляющееся в сокращении числа задержанных пограничными службами. Это произошло во многом благодаря расширению миграционных программ, обеспечивающих работодателей легальной рабочей силой, и, соответственно, улучшению возможностей законного въезда в США. В 2019 ф.г. на долю мексиканцев пришлось 74% всех получателей виз Н-2В, предназначенных сезонникам, работающим в несельскохозяйственных отраслях. Тогда же жителям этой страны было выдано 260 тыс. виз Н-2А для сезонной работы в сельском хозяйстве, 56 тыс. видов на постоянное место жительства. Характерно, что сезонники, работающие в сельском хозяйстве, в сфере производства, транспортировки и торговли продуктами питания, включая точки общественного питания (так же как врачи и медсестры) не пострадали от указа Д. Трампа в июне 2020 г., направленного на сокращение выдачи неиммиграционных виз в целях ослабления напряжённости на рынке труда в условиях пандемии.

В предковидный период сыграло свою роль и улучшение перспектив на родине мигрантов, открытых её экономическим развитием, о чём говорит рост потоков из США в Мексику, в частности интенсивная добровольная репатриация мексиканцев. Число граждан США, прежде всего, рождённых там детей и супругов мексиканских граждан, а также американцев, выехавших в Мексику на работу или в качестве пенсионеров, достигло в 2015 г., по разным оценкам, 700 тыс. – 1,5 млн (Selee, Soto 2020: 10). В результате, как отмечалось выше, в 2010–2020 гг. численность мексиканцев в США сократилась с 12,2 до 10,9 млн, а их доля среди иммигрантов – с 27,5% до 21,4%, что сказалось в замедлении роста численности иммигрантов из южного региона (Таблица 1).

В то же время с 2012 г. наблюдался рост числа задержанных пограничниками США уроженцев ЦА, особенно из Гватемалы и Гондураса, превысивший в 2019 г. показатели Мексики. Подъём нелегальной миграции из Северного

¹¹ 5 facts about Illegal Immigration in the U.S. *Pew Research*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/> (accessed 17.10.2021)

треугольника в свою очередь мог свидетельствовать о новом витке стихийной миграционной регионализации этой подгруппы стран. В отличие от прежней волны миграции мексиканских мужчин-сезонников из ЦА едут в основном семьями, при этом немало несовершеннолетних детей путешествует без сопровождения родителей. Это так называемые смешанные потоки как людей, ищущих лучшей доли, так и лиц, спасающихся от преследований. В 2019 г. Гватемала, Сальвадор и Гондурас входили в пятерку стран-лидеров (после Венесуэлы и Китая) по числу поданных их гражданами первичных заявлений о предоставлении убежища в США.

В результате подобных потоков на американо-мексиканской границе регулярно возникают гуманитарные кризисы, переполняются лагеря для беженцев и центры их временного содержания, пропадают и гибнут люди. Подобные чрезвычайные ситуации возникали в 2014, 2016, 2018–2019, 2020–2021 гг. Через Мексику идут потоки не только из ЦА и из других стран ЛА, в том числе Кубы, Гаити, Венесуэлы, а также Африки и Азии. При этом в условиях противоэпидемических рестрикций Мексика, где скапливались мигранты, застрявшие в ожидании решения властей США о предоставлении убежища, стала превращаться из транзитной страны в принимающую. С января 2019 г. по октябрь 2020 г. там попросили убежища 60 тыс. мигрантов из Гондураса, Гватемалы и Сальвадора (Selee, Soto 2020: 11). Кроме того, в условиях антиковидных ограничений в США, а также в Мексике потоки вынужденных мигрантов из Никарагуа, Сальвадора, Гондураса и Гватемалы устремились в Коста-Рику и Панаму.

Миграционные связи в Северной Америке складывались в течение продолжительного времени, что сказывается в устойчивости основных потоков в данном ареале. Этот процесс происходил в основном стихийно, в форме пассивной интеграции, наследием которой является широкое распространение неупорядоченных перемещений, представляющих один из главных миграционных вызовов обществам региона. Современная миграция на континенте отличается большой массовостью и высоким уровнем регионализации. В то же время в функционировании североамериканского миграционного ареала наблюдаются заметные изменения, которые, похоже, указывают на начало нового этапа интеграции в Северной Америке. Об этом, в частности, свидетельствуют диверсификация миграционных маршрутов и формирование более разветвлённой системы миграционных коридоров на континенте. При сохранении по сути однополярного устройства данной миграционной системы, с главным центром притяжения населения в США и отчасти в Канаде, в её составе появляются новые миграционные магниты, в первую очередь в Мексике. Наряду с усиливающимся втягиванием части стран, особенно ЦА, в стихийную миграционную интеграцию наблюдается также и ослабление недокументированной миграции из Мексики в США. В последнем случае это не обратное, попятное движение, а процесс, который отражает вступление миграционных связей Мексики и США в новую интеграционную фазу – упорядочивания потоков.

Интеграционный регионализм в сфере миграции специалистов и представителей бизнеса

Регионализация миграции может происходить не только вследствие стихийно развивающихся интеграционных процессов, но и быть результатом регионализма, хотя между первой и последним нет чёткой связи. Регионализм зачастую представляют как целенаправленную и активную деятельность органов власти по конструированию региональных институтов и процессов (Ефремова 2017). Как и «регион», а также «регионализация», понятие «регионализма» может относиться к разным общественным феноменам и иметь разные значения. Трактуя регионализм в международно-политическом ключе, мы можем рассматривать его (в частности, применительно к миграции) в двух ракурсах: во-первых, как деятельность в рамках интеграционных платформ (интеграционный регионализм) и, во-вторых, как гораздо более широкую совокупность односторонних, двусторонних и многосторонних мер, включая протекционистские, направленных на решение проблем в регионе и улучшение ситуации во входящих в него странах.

В первом случае терминами «международно-политический регионализм» или «макрорегионализм» обозначаются формирование государствами крупных наднациональных или межгосударственных проектов в конкретном регионе (макрорегионе), создание прочных региональных группировок и соответствующих институтов (типа ЕС, НАФТА) (Щипков 2017: 27), формальная кооперация государств в целях продвижения региональной интеграции (Щипков 2017: 20) и др. Содержательное наполнение регионализма этого типа в сфере миграции варьируется от частичного или полного устранения внутренних границ для перемещений людей по территории подобных объединений до гармонизации и унификации правил регулирования миграционных процессов вплоть до формирования общей, единой политики в миграционном взаимодействии с третьими странами.

В научной литературе хорошо известны и широко используются (хотя при этом немало критикуются) разграничения регионализма на «старый» и «новый», на разные поколения и т. п.¹². Ориентируясь на эти схемы, можно допустить, что американская интеграционная политика в сфере миграции отчасти соответствовала первому поколению регионализма, при котором развитие интеграции в сфере миграции ставится в зависимость от продвинутой интеграции в целом; последняя же представляется как линейный процесс. В частности, такая политика свойственна начальной стадии раннего регионализма – созда-

¹² Как известно, «старый», ранний, государственный регионализм сводился преимущественно к либерализации торговли, «новый» представлял более широкую и глубокую версию регионализма с участием негосударственных акторов.

нию зон свободной торговли, когда принимаются ограниченные меры по либерализации отдельных категорий работников, – однако далека до этапа создания общего рынка, предусматривающего свободное передвижение всех факторов производства, в частности рабочей силы. Из элементов второго поколения регионализма просматривается лишь участие негосударственных акторов в американском интеграционном процессе, а признаки третьего поколения пока отсутствуют¹³.

Как показывает мировой опыт, немалая часть региональных интеграционных соглашений нацелена на обеспечение той или иной меры свободы передвижения людей, различаясь при этом широтой охвата вопросов мобильности, а также категорий населения, получающих право свободного перемещения. Для создания общего рынка труда и особенно единого экономического и социального пространства важно обеспечение гражданам входящих в объединение государств комплекса прав и возможностей – в частности, свободного въезда, трудовой деятельности, временного и постоянного проживания, доступа к образованию, социальному и медицинскому обеспечению, признания документов об образовании и сохранения прав в области социального страхования при переезде граждан одних союзных государств в другие. Причём не только работников, но и членов их семей, представителей бизнеса, студентов, пенсионеров. При масштабности и глубине интеграционного процесса необходимо создание специальных институтов, регулирующих миграционные процессы.

Либерализация передвижений, однако, может быть не основной, а побочной целью соглашения. Последнее может быть вообще не ориентировано на обеспечение свободы передвижений, а лишь облегчать перемещения сугубо определённых категорий работников, фокусируясь на ускорении экономического развития посредством стимулирования региональной торговли товарами и услугами и не требуя серьёзной институциональной опоры. Именно эти характеристики присущи соглашению США с Канадой и Мексикой о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), действовавшему с 1994 г., а с середины 2020 г. заменённому новым договором – ЮСМКА (Соглашение США – Мексика – Канада, USMCA, United States – Mexico – Canada Agreement)¹⁴, неформально именуется НАФТА 2.0 (NAFTA 2.0).

¹³ Второе поколение регионализма основывается на идее всесторонности интеграции, включая устранение разного рода барьеров и создание благоприятных условий для мобильности по территории объединения разных категорий граждан входящих в него стран. Этот процесс включает создание прочной институционально-правовой основы и участие негосударственных акторов. Третье поколение предполагает, что региональное объединение становится единым коллективным актором глобальной политики. Примером такого регионализма служат единые условия въезда в ЕС и передвижений по его территории граждан третьих стран, единые правила и стандарты приема в Союз беженцев и лиц, ищущих убежища и т.п. (Migration 2017)

¹⁴ В Канаде это соглашение называется CUSMA (Canada – United States – Mexico Agreement), в Мексике – T-MEC (Tratado entre los Estados Unidos Mexicanos, los Estados Unidos de América y Canadá).

В отличие от далеко продвинувшейся, широкой и институционализированной интеграции на платформе ЕС, в рамках НАФТА-ЮСМКА процесс ограничивается рядом областей, в первую очередь торговлей, инвестициями, вопросами интеллектуальной собственности. Подобная направленность североамериканского проекта отзывается в ограниченности либерализации людских передвижений между странами-участницами. Это сильно усечённый и мало динамичный, вяло прогрессирующий вариант интеграции в сфере миграции, что подтверждается практической неизменностью положений о миграции в сохраненной 16 главе нового соглашения (*Chapter 16 Temporary Entry for Business Persons*). Весьма показательно, что в названиях этой главы и её статей вообще отсутствует термин «миграция», прописаны только условия временного въезда, что также свидетельствует о чисто инструментальной роли, отводимой подобным передвижениям в обеспечении деятельности хозяйствующих субъектов. Кроме того, в соглашении подчёркивается, что оно не затрагивает действующие иммиграционные правила, не предполагая гармонизации регулирования миграции между странами-участницами и тем более формирования единой миграционной политики в отношении третьих стран, а институциональный фундамент данного интеграционного блока составляет лишь Рабочая группа по временному въезду, включающая представителей миграционных властей стран-членов, которым положено собираться не реже раза в год¹⁵. Позитивным фактором является закрепление в документе обязательства участвующих государств соблюдать трудовое законодательство в отношении мигрантов.

Принимая во внимание острую глобальную конкуренцию за умы и таланты, в том числе предпринимательские, важность функционирования общего рынка высококвалифицированного труда (с учётом интересов стран-доноров), в ЮСМКА, как и в прежнем варианте соглашения, предусмотрен упрощённый режим трансграничных поездок лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью (*business person*): инвестиционными, торговыми операциями и предоставлением услуг. В данную категорию входят командированные, сотрудники ТНК, специалисты в более чем шестидесяти (практически не изменённых с 1994 г.) профессиональных областях, включая учёных, лиц, совершающих деловые поездки в целях открытия бизнеса (*business visitors*), тогда как малоквалифицированным работникам обычно отказывается в этом праве. На въезде в страну в пункте пропуска через границу профессионалам предоставляется специальная неиммиграционная виза (*TN visa*, которая, вероятно, в дальнейшем получит название *TU visa*), для получения которой необходимо иметь предло-

¹⁵ Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada. 7/1/20. Text. [Электронный ресурс]. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (accessed 17.10.2021).

жение от работодателя, но не требуется подтверждение дефицитности данной группы работников на рынке труда. Эта виза стала более востребована после 2008 г., когда срок её действия был удлинён с первоначально установленного одного года до трёх лет при неограниченном числе возможных продлений, не предусматривающих при этом поселения.

С середины 1990-х гг. ежегодно примерно 70 тыс. граждан Канады отправлялись в США по данному соглашению, что, с учётом качественного состава потока, вызывало озабоченность канадских властей. По просьбе правительства Мексики во избежание утечки умов первоначально была даже введена ежегодная квота на выезд по этому каналу 5 тыс. мексиканских специалистов в США. После отмены указанного потолка в конце нулевых годов число прибывавших в США по визам TN мексиканских граждан возросло до 21 тыс. в 2019 ф.г. (Selee, Soto 2020: 9).

Въезд в США по визам TN из Мексики и Канады представлял единственный поток, который продолжал расти в условиях финансового кризиса нулевых. По этой линии в 2009 г. в страну прибыло более 99 тыс. человек (Migration 2017). В условиях коронакризиса, несмотря на ужесточение правил въезда в США, действующие антиковидные ограничения не распространялись на передвижения между этими странами лиц, включённых в региональную производственную или торговую деятельность, в том числе обеспечивавших функционирование цепочек поставок медицинских товаров, топлива и продуктов питания, совершавших поездки по служебным, учебным и другим важным причинам.

Изначально в функционирование НАФТА была заложена идея о частичном замещении миграции развитием торговли и экспортных отраслей, притоком инвестиций, способствующих модернизации экономики и доступу к новым технологиям, что в свою очередь приведёт к расширению занятости одновременно с ростом производительности труда и заработков, ослабляя стимулы к отходничеству¹⁶. Этим объяснялось игнорирование в соглашении вопросов миграции, за исключением вписывавшегося в данную схему облегчения передвижения служащих ТНК, представителей бизнеса, специалистов (Migration 2017: 176). Однако и в теориях, на которые опирался данный прогноз, допускалось (в частности Дж. Тапиносом) нелинейное развитие миграции в силу её возможной комплементарности торговле в краткосрочном и даже среднесрочном плане. В результате рост торговли и инвестиций, в частности в автосборочные произ-

¹⁶ Подобный подход имел под собой солидный теоретический фундамент, заложенный моделью внешней торговли Э. Хекшера и Б. Олина 1930-50-х гг., из которой следовало, что миграция и торговля являются субститутами. Эту модель развивали и дополняли концепции о выравнивании цен факторов производства и сокращении разрыва в уровнях развития различных стран в результате внешнеэкономических мер. Помимо этого, по результатам эконометрических исследований, иностранные инвестиции могли способствовать снижению эмиграционного потенциала неквалифицированных когорт населения.

водства на севере Мексики, не привёл к затуханию трудовой миграции из этой страны в США, в том числе и нелегальной. Более того, миграционные потоки на континенте, двигавшиеся во встречном направлении, противоположном инвестициям, нередко даже усиливались (Pellerin 1999: 1005).

Более реалистичным оказался другой прогноз – «миграционного горба» (Martin 1993). Первоначально произошёл всплеск эмиграции работников, высвобождаемых из традиционных секторов, которые оказались нежизнеспособными в условиях либерализации внешней торговли. Теперь же наметился спад миграционной волны, в том числе и нелегальных потоков. Это изменение произошло благодаря развитию новых экспортных производств, не сковываемому протекционистскими барьерами, и улучшению в целом перспектив жизни и работы в Мексике. В результате НАФТА оказало гораздо более заметное косвенное влияние на миграцию (нежели непосредственное изменение правил въезда отдельных немногочисленных категорий лиц), опосредованное экономическими и социальными преобразованиями в ходе интеграционного процесса. Подобный феномен вполне типичен для интеграционных объединений, в частности ЕС, и согласуется с концепциями пространственно-временного развития миграционных процессов (предложенными В. Зелинским, Р. Скелдоном, Х. Хаасом и др.), согласно которым по мере социально-экономической модернизации общества осуществляется миграционный переход – преобразуя характер, интенсивность и направленность мобильности населения.

Таким образом, интеграционный регионализм США в сфере миграции в силу его усечённого характера не оказал существенного влияния на основной массив людских потоков между странами союза. Само функционирование последнего дало сильные импульсы к улучшению миграционной реальности. В то же время прогнозирование будущего мексиканской миграции, как, впрочем, и любого другого потока, сталкивается с известными трудностями в силу специфики данного поведенческого феномена и сопряжённой с ней высокой неопределённостью, особенно в условиях пандемии. При благоприятных условиях и развитии наметившихся до пандемии тенденций возможно, однако, медленное приближение модели миграции между Мексикой и США к канадско-американскому паттерну.

Среди возможных направлений реформирования миграционного блока ЮСМКА в плане его развития и актуализации видится расширение перечня специальностей, прежде всего связанных с цифровой экономикой, представители которых пользуются правом свободы перемещений; регулирование правил трансграничного онлайн-аутсорсинга и краудсорсинга, предполагающих удалённую работу на зарубежных заказчиков, или виртуальную миграцию, приобретающую популярность в условиях пандемии и закрытых границ; взаимное признание документов об образовании, которое позволило бы устранить барьеры при доступе на рынок труда, с которыми сталкиваются весьма широ-

кие категории мигрантов, приезжающих в США и затем возвращающихся на родину, в частности в Мексику¹⁷.

Пути сокращения недокументированных потоков и упорядочивания миграции в регионе

Учитывая узость круга миграционных вопросов, регулируемых в рамках ЮСМКА, и ограниченность числа входящих в него стран, интеграционный регионализм представляет лишь небольшой участок американского регионализма. Опираясь на трактовку регионализма, предложенную французскими учёными (Mareï, Richard 2020: 19), миграционный регионализм в широком плане можно рассматривать как деятельность государства, стремящегося придать его отношениям в регионе более организованный или более регулируемый характер и развивать сотрудничество в сфере миграции. Подобные усилия особенно важны и необходимы с учётом серьёзных расхождений, а нередко и противоречий между интересами и приоритетами посылающих и принимающих, а также транзитных государств.

Принимая во внимание масштабность передвижений населения с юга континента и значимость связанных с ними общественных процессов, остроту и многогранность миграционных проблем на южной границе США, миграционная политика американского государства в большой мере сфокусирована именно на этом регионе, и последнему адресуется комплекс специальных мер, вписывающихся в русло миграционного регионализма. При этом и общие, не ориентируемые на какие-либо страны миграционные инициативы имеют в силу указанной специфики потоков огромное значение для региона.

При президентстве Д. Трампа (2017–2021 гг.) произошло резкое, усилившееся в условиях пандемии ужесточение миграционной политики. Как показывают американские исследователи, оно было гораздо масштабнее рестрикций предыдущих глав Белого дома (Pierce, Bolter 2020). Подобный курс, направленный на противодействие незаконной и ограничение легальной иммиграции в целях защиты здоровья населения и стабилизации рынка труда как слагаемых национальной безопасности, стал ярким проявлением миграционного протекционизма. Закономерно, что в фокусе последнего оказались региональные миграционные процессы.

¹⁷ Хотя по соглашению стороны не должны использовать меры лицензирования и сертификации, которые могут создавать дополнительные барьеры для торговых операций, это не означает (как и в ГАТС) взаимного признания квалификации, навыков и компетенций, приобретённых в другом государстве, а лишь допускает его возможность. Последняя может быть лишь отчасти реализована благодаря разработанным в НАФТА рекомендациям по признанию на основе общих стандартов документов об образовании по инженерно-техническим и некоторым юридическим специальностям, бухучёту и архитектуре.

Символом региональной миграционной политики администрации Д. Трампа стали строительство нового и реновация существующего участка стены на границе с Мексикой. Однако вопреки этой инициативе и скорее в результате неё нелегальный поток в США резко усилился. По данным Погранично-таможенной службы США, число случаев задержания на юго-западной границе, на которую приходилось 99% перехваченных мигрантов, возросло с 304 тыс. в 2017 г. до 852 тыс. в 2019 г., достигнув наивысшего уровня с 2007 г.¹⁸

Столкнувшись с неэффективностью односторонних мер борьбы с недокументированной миграцией, для обуздания этой стихии администрация Д. Трампа активно задействовала приёмы миграционной дипломатии во взаимодействии со странами юга континента. Для получения поддержки правительств этих стран, необходимой при реализации непопулярного там жёсткого миграционного курса США, этим государствам предоставлялись или сулились разного рода льготы и финансовая поддержка в обмен за сотрудничество в миграционной сфере, как это практиковалось, например, в американо-мексиканских отношениях. Когда страны исхода и транзита нелегальных мигрантов, как, в частности, Гватемала, пытались отказываться под предлогом распространения эпидемии от обратного приёма депортируемых на их территорию из США нарушителей миграционных правил, в ответ Д. Трамп угрожал ограничением выдачи виз гражданам таких государств.

Как показывает мировой опыт, трансграничное сотрудничество в сфере управления миграцией может быть достаточно эффективным в плане сдерживания, контроля интенсивности и фильтрации потоков, их введения в русло организованного движения. В качестве инструментов регулирования людских передвижений, особенно стихийных, нередко используются вовлечение одним государством других в орбиту его миграционной политики и ретрансляция последней за пределы его территории.

При Д. Трампе стали активнее использоваться кооперационные подходы к управлению стихийной миграцией. В 2019 г. вступили в силу соглашения между правительствами США и Мексики и так называемые Протоколы защиты мигрантов (Migrant Protection Protocols, MPP)¹⁹, больше известные под названием «Оставайся в Мексике» (*Quédete en México*). В соответствии с этими документами, лица, ищущие убежища, которые нелегально или без необходимых документов проникли в США, подлежали возвращению в Мексику и должны были ожидать решения властей или миграционных судов о предоставлении убежища, находясь на мексиканской стороне (Soto 2020). В результате, по оценкам,

¹⁸ Southwest Border Migration FY 2020. U.S. Customs and Border Protection. URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration-fy2020> (accessed 17.10.2021)

¹⁹ Однако действие этих процедур не распространяется на некоторые уязвимые категории, в первую очередь несовершеннолетних детей, путешествующих без сопровождения взрослых.

с 2019 г. к началу 2021 г. в общей сложности было зарегистрировано по миграционным протоколам 71 тыс. людей²⁰. При этом сроки ожидания существенно удлинились в связи с закрытием иммиграционных судов и прекращением слушаний по миграционным вопросам, произошедшим весной 2020 г. в ответ на пандемию.

С 2019 г. стало действовать (но было приостановлено во время пандемии) соглашение о сотрудничестве по вопросам убежища между США, Сальвадором, Гватемалой и Гондурасом, согласно которому мигранты из стран ЦА, подающие прошение о предоставлении убежища в США, могут быть направлены в безопасные страны региона для получения там убежища. Подобные действия подкреплялись правовыми мерами, позволявшими отказывать в предоставлении убежища лицам, проследовавшим через безопасные страны, а также проводить в ускоренном режиме предварительный отбор прошений граждан Мексики и стран Северного треугольника. Эти меры фактически блокировали доступ большинства соискателей убежища в США.

С началом пандемии эти меры были усугублены частичным закрытием границ, ужесточением медицинских проверок, приостановкой визовой деятельности консульских служб и др.²¹. Так, с весны 2020 г. закрыты границы США с Мексикой, так же как и с Канадой для поездок, не считающихся необходимыми (*non-essential travel*). Как *non-essential* рассматривались и передвижения лиц, ищущих убежища, которые не имели необходимых документов для въезда. В общей сложности с южной сухопутной границы США разворачивали назад 80–85% людей, намеревавшихся попасть в Америку (Selm 2020: 41).

Подобные ограничения сопровождалось массовыми депортациями лиц, получивших отказ в предоставлении убежища и других категорий мигрантов, незаконно находящихся в США. Согласно данным Погранично-таможенной службы, в последнем квартале 2020 г. было выслано главным образом в Мексику, государства Северного треугольника и на Гаити более 200 тыс. чел., в том числе инфицированных COVID-19. При этом практика депортаций из США приняла эшелонированный характер. Мексика, куда высылались из США проникшие через её территорию уроженцы ЦА, в свою очередь депортировала последних в Гватемалу. Более того, сократился и нелегальный поток, о чём свидетельствовало зафиксированное Погранично-таможенной службой США снижение числа случаев задержания более чем в двое: с 852 тыс. в 2019 г. до 401 тыс. в 2020 г.²². В результате возник гуманитарный коллапс на мексиканской границе,

²⁰ Details on MPP (Remain in Mexico) Deportation Proceedings. *Syracuse University*. URL: <https://trac.syr.edu/phptools/immigration/mpp> (accessed 17.10.2021)

²¹ В общем русле антиковидных рестрикций в апреле 2020 г. была частично приостановлена выдача видов на постоянное место жительства (*green card*), а в июне – неиммиграционных виз (H-1B, H-2B, J, and L), не затронув при этом врачей и медсестер, сезонников, работающих в сельском хозяйстве и смежных производствах.

²² Southwest Border Migration FY 2020. U.S. Customs and Border Protection. URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration-fy2020> (accessed 17.10.2021)

где, по оценкам, в сентябре 2020 г. ожидали решения американских властей о предоставлении убежища 20–25 тыс. мигрантов (Selee, Soto 2020: 25). Как верно подмечают американские эксперты, «подобный комплекс взаимосвязанных мер сделал практически недоступным убежище в США для мигрантов, прибывающих на американо-мексиканскую границу» (Selee, Soto 2020: 2).

В результате миграционных рестрикций число переселяемых беженцев сократилось за 2016–2020 гг. с 89 тыс. до 11,8 тыс., число принятых первичных прошений о предоставлении убежища от лиц, находившихся на территории США, – со 140 тыс. в 2017 ф.г. до 84 тыс. в 2019 ф.г., радикально снизилась доля позитивных решений по прошениям и т.д. Подобное «закручивание гаек» и явные перегибы в миграционной политике Д. Трампа, позднее названной в Белом доме «драконовской», учитывая уязвимость положения многих пострадавших от неё мигрантов, не только привели к ухудшению отношений с южными соседями, но и вызвали критику со стороны правозащитников и более широких слоёв населения США. Необходимость серьёзного реформирования миграционной политики уже давно назрела, однако сейчас она стала особенно очевидной и неотложной, причём не только с точки зрения повышения эффективности, но и гуманизации. Как справедливо подмечает американский исследователь, от Д. Байдена ожидали не просто перезагрузки иммиграционной политики, традиционно происходящей каждый раз с приходом в Белый дом нового президента, а «поворота в миграционном взаимодействии США с Мексикой и странами Центральной Америки» (Selm 2021: 21).

В миграционные планы Д. Байдена входила реализация как неотложных мер по урегулированию ситуации на границе, так и действий, имеющих более отдалённый временной горизонт. В том числе:

- создание условий для легализации и возможного предоставления гражданства 11 млн недокументированных иностранцев в США в ближайшие восемь лет²³;
- продление права проживания в США почти 800 тыс. людей, приехавших в страну в детском возрасте с недокументированными родителями – так называемых «мечтателей» (*Dreamers*)²⁴, а также лицам, имеющим временный гуманитарный статус, в том числе гражданам Сальвадора, Гаити, Гондураса, Никарагуа, пострадавшим от вооружённых конфликтов и природных бедствий;

²³ Одним из инструментов подобной амнистии может стать принятие «Закона о совершенствовании организации сельскохозяйственной занятости», в соответствии с которым сотни тысяч нелегальных мигрантов, которые представят доказательства, что они работают в сельском хозяйстве США не менее двух лет, получают пятилетнюю рабочую визу с возможностью её продления (Никольская 2020)

²⁴ После блокирования Конгрессом проекта так называемого «Закона о мечте – Закона о развитии, послаблениях и образовании для малолетних иностранцев» (Development, Relief and Education for Alien Minors (Dream) Act), внесённого на голосование ещё в 2001 г., Б. Обама в 2012 г. в качестве компромисса предложил «Программу отложенных мер в отношении детей-иммигрантов» (Deferred Action for Childhood Arrivals, DACA), дававшую отсрочку на два года от депортации и временное право работать, учиться и жить в США тем, кто окончил школу, отслужил в армии, продолжал учиться или работал. Однако Д. Трамп решил аннулировать эту программу.

- восстановление системы предоставления убежища посредством отмены Протоколов защиты мигрантов на мексиканской границе, введения моратория на депортации, в том числе в Гватемалу, Гондурас и Сальвадор, увеличения численности переселяемых беженцев до 62,5 тыс. в 2021 г. и 125 тыс. в 2024 г.;
- прекращение финансирования и строительства стены на границе с Мексикой.

В первые 100 дней президентства Д. Байдена иммиграция находилась в числе приоритетов его политики. По оценкам Института миграционной политики (*Migration Policy Institute, MPI*), за этот период его администрация приняла 94 акта по иммиграции по сравнению с менее чем 30 принятыми при Д. Трампе, который считался гораздо более активным политиком в вопросах миграции, чем его предшественники²⁵.

Тем не менее приход новой администрации фактически не привёл к либерализации миграционной политики. Противодействие политических противников препятствует реализации региональной стратегии Д. Байдена. Фактически не выполняется ни одно из предвыборных обещаний, не проведён через Сенат ни один иммиграционный закон. Сохранение жёсткого иммиграционного контроля в сочетании с антиковидными мерами серьёзно ограничивает передвижения людей, нуждающихся в защите. Положение на юго-западной границе продолжает ухудшаться. Как следствие – число попыток незаконного пересечения границы и задержаний стало снова стремительно расти, свидетельствуя о бедственном положении застрявших в Мексике мигрантов: в январе 2021 г. их было 78 тыс., в апреле – 179 тыс., а в августе – уже 209 тыс.²⁶. Это наивысшие значения за последние 20 лет, причём почти 40% задержанных уже пытались в этом году незаконно проникнуть в США, тогда как в 2019 г. этот показатель составлял только 7%²⁷.

Пытаясь справиться с анархией на границе, администрация Д. Байдена стремится создать буферные зоны на пути следования мигрантов, побудить соседние с США государства к ужесточению миграционной политики. Воплощением такой стратегии стало выставление Гватемалой в 2021 г. вооружённого заслона на пути караванов из Гондураса. Учитывая, что до недавнего времени мигранты из ЦА могли свободно перемещаться по южной оконечности материка, следуя в Мексику, воздвижение подобных кордонов может рассматриваться как «проявление экстернализации миграционной политики США и её будущего

²⁵ In His First 100 Days in Office, President Joe Biden Has Advanced Three Times as Many Executive Actions on Immigration as Donald Trump Did. Press Release. April 26, 2021. *Migrationpolicy*. URL: <https://www.migrationpolicy.org/news/first-100-days-office-biden-executive-actions> (accessed 17.10.2021)

²⁶ Southwest Land Border Encounters. U.S. Customs and Border Protection. URL: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/southwest-land-border-encounters> (accessed 17.10.2021)

²⁷ In His First 100 Days in Office, President Joe Biden Has Advanced Three Times as Many Executive Actions on Immigration as Donald Trump Did. Press Release. April 26, 2021. *Migrationpolicy*. URL: <https://www.migrationpolicy.org/news/first-100-days-office-biden-executive-actions> (accessed 17.10.2021)

распространения в регионе» (Sanchez 2021: 22). Подтверждением этому служит и активизация в Мексике полицейских проверок трейлеров и патрулирование поездов, где могли скрываться мигранты, стремящиеся нелегально проникнуть в США.

Однако при наличии мощных драйверов миграции, таких как безработица, бедность и др., репрессивные действия не способны остановить стихийные потоки. Продолжающееся перекрытие в условиях пандемии основных каналов легальной миграции в регионе угрожает учащением нелегальных пересечений границ. Учитывая сложность миграционной ситуации в регионе, усугубляемую уязвимостью попавших в неё людей, очевидна необходимость совместного регулирования широкого комплекса вопросов, связанных с передвижениями населения на континенте. Как показывает мировой опыт, ослабить действие причин, вызывающих массовые, в том числе вынужденные, потоки населения, способны как экстренные меры помощи населению территорий, пострадавших от природных бедствий и вооружённых конфликтов, так и финансирование более долгосрочных проектов социально-экономического развития. Вместе с тем в условиях современной экономической неустойчивости возможности американского бюджета весьма ограничены. Региональные примеры также свидетельствуют, что расширение возможностей и упрощение правил законного въезда, пребывания и трудовой деятельности, в частности сезонной, в США может способствовать постепенному переводу передвижений туда из ЦА в легальное русло и циркуляционный формат²⁸ – по крайней мере, после окончания пандемии. Заслуживает внимания предложение ИМГ о создании инфраструктуры по приёму и рассмотрению прошений об убежище на территориях, ближе расположенных к местам исхода таких мигрантов, а также об организации переселения части беженцев в рамках многосторонних усилий Канады, Мексики, Коста-Рики и других стран в координации с ведомствами ООН. Весьма актуально указание ИМГ пограничным службам в Мексике и США на необходимость гуманного обращения с детьми и другими уязвимыми группами мигрантов с учётом их потребностей в защите, медицинской и иной помощи (Selee et al. 2019).

Наряду с официальными соглашениями важным слагаемым в развитии международного сотрудничества в управлении миграцией на континенте видится активизация регионального консультативного процесса. Главным звеном этого процесса является межправительственная «Региональная конференция

²⁸ Прототипом подобного взаимодействия США со странами региона может служить давнее, существующее с 1966 г., взаимодействие Канады со странами КБ и с 1974 г. – с Мексикой в рамках «Программы приёма сезонных сельскохозяйственных работников» (Seasonal Agricultural Workers Program, SAWP), позволяющей работникам из этих стран работать в Канаде до восьми месяцев в году. Из Мексики там работает порядка 20 тыс. работников. Многие черты взаимодействия Мексики и Канады в рамках соглашения – участие мексиканского правительства в рекрутировании работников и установлении их заработков и других трудовых вопросов, включённость работодателей в разработку дизайна и управление программой, предоставление медицинского страхования иностранным работникам – делают эту программу моделью лучших практик в сфере трудовой миграции.

по миграции», больше известная как Процесс Пуэбл (Regional Conference on Migration, RCM, Puebla Process)²⁹, ведущаяся с 1996 г. на постоянной основе на уровне заместителей руководителей миграционных ведомств 11 государств региона. Помимо этого, в 2021 г. создана неправительственная Целевая группа по миграции стран Северной и Центральной Америки, членами которой являются представители гражданского общества, деловых кругов, учёные и бывшие политики. Хотя эти форумы не связывают их участников формальными обязательствами и функционируют на принципах добровольности, они служат площадкой для согласования позиций, развития региональной кооперации и координации усилий в области сокращения недокументированной миграции, реагирования на чрезвычайные, кризисные ситуации, оказания помощи беженцам, гуманитарной защиты уязвимых категорий мигрантов и др. Соответственно данный диалоговый инструмент может выполнять важную роль в разработке коллективных ответов на региональные вызовы миграции.

Таким образом, американский миграционный регионализм в широком понимании весьма многогранен в плане реальных и возможных направлений и средств воздействия. При этом он носит противоречивый, непоследовательный и рестриктивный характер. Кроме того, втягивание в орбиту американской региональной стратегии других стран региона предполагает не просто их сотрудничество в сфере управления миграцией, а воспроизведение американских рестриктивных подходов к регулированию людских перемещений. Несмотря на обещанную Д. Байденом либерализацию миграционной политики, пока этого не только не произошло, но и ужесточилась политика в соседних странах. В условиях пандемии, общественной нестабильности и отсутствия политического консенсуса миграционная политика была пущена на самотёк, и пока не просматривается реальных перспектив осуществления реформ, которые, скорее всего, будут откладываться, пока этот вопрос не перейдёт к следующей администрации, у которой может быть совершенно иная миграционная повестка. В силу этих же причин ограничены и возможности использования потенциала конструктивного регионального сотрудничества.

* * *

При структурировании миграционного пространства важно учитывать не только критерии однородности территорий по демографическим и иным характеристикам, на основе которых выделяются регионы в классификации ООН. Понимая миграционный регион как совокупность мест и связывающих их устойчивых и интенсивных людских потоков и отношений различных акторов в миграционной сфере, а также возникающих в ходе этих отношений противо-

²⁹ Puebla Process. *IOM*. URL: <https://www.iom.int/puebla-process> (accessed 17.10.2021)

речий, которые требуют ответов на субглобальном уровне, – возможно рассматривать североамериканский материк как миграционный регион в силу чрезвычайно высокой регионализации потоков на данной территории, общности ключевых миграционных проблем расположенных там стран и необходимости регионального сотрудничества и коллективных усилий для их решения.

Миграция в регионе отличается высокой регионализацией, однако этот процесс шёл в большой мере стихийно и деформирован массовостью потоков недокументированных мигрантов из ЦА в США. В то же время сокращение численности нелегальных мигрантов из Мексики в США говорит об одновременно действующих тенденциях к введению этого процесса в регулируемое русло.

Учитывая значимость для США потоков с юга континента и их вызовов, региональные миграционные процессы являются главным объектом миграционной политики США. Миграционный регионализм американского государства, понимаемый как конструирование миграционных процессов в регионе, лишь в ограниченной мере представлен его интеграционной деятельностью в рамках НАФТА-ЮСМКА, которая сводится к облегчению передвижений отдельных категорий специалистов и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Американский миграционный регионализм скорее ориентирован на гораздо более широкие, многовекторные действия по управлению передвижениями в регионе, осуществляемые вне рамок этого объединения.

Миграционное взаимодействие США со странами региона в большой мере направлено на сдерживание притока в США нежелательных, в первую очередь недокументированных, мигрантов, в состав которых попадают и лица, ищущие убежища, что придаёт этим отношениям асимметричный характер по оси центр – периферия. Подобная политика имеет тяжёлые гуманитарные последствия и при этом не всегда эффективна, не только не улучшая, но и нередко ещё больше дестабилизируя миграционную ситуацию в регионе, что свидетельствует о необходимости её реформирования. Однако в обстановке продолжающейся пандемии и сопровождающей её общественной нестабильности планы Д. Байдена по либерализации миграционной политики остаются нереализованными, сохраняется неопределённость в отношении их дальнейшей судьбы. Не ясны и перспективы развития сотрудничества на субглобальном уровне на более справедливой и равноправной основе. Возможно, преодоление пандемии создаст более благоприятные условия и поспособствует активизации национальных и международных усилий по содействию безопасной, упорядоченной и легальной миграции в регионе.

Об авторе:

Ирина Павловна Цапенко – доктор экономических наук, руководитель Сектора социально-экономического развития и миграционных процессов Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН. 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23.
E-mail: tsapenko@imemo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00001 А «Глобальные и региональные последствия экономической политики США во втором – начале третьего десятилетия XXI века: новые вызовы и возможности для России».

UDC: 314.7, 325, 327
Received: July 15, 2021
Accepted: October 8, 2021

US Migration Policy towards the States of the North American Continent

I.P. Tsapenko

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

Abstract: The article aims at characterizing the content, problems, and consequences of the US interaction with the countries of the North American continent in the sphere of migration. The objective is to identify the main directions and assess the prospects for the overdue reform of the US regional migration policy. The author examines migration policy in the framework of NAFTA-USMCA and multi-vector initiatives aimed at managing movements within the region.

The results show that migration on the continent, primarily from Mexico and Central America to the United States, is characterized by a high level of regionalization. Due to massive spontaneous flows of migrants who lack the required documents for entering, staying, and working in the country of destination, including asylum seekers, the region's countries face serious challenges aggravated by the pandemic. The US cooperates in various forms and directions with the region's countries in the sphere of migration. It includes limited liberalization of specific categories of specialists and business representatives from the three member-states of the NAFTA-USMCA. Nevertheless, such interaction focuses on curbing the inflow of migrants without documents to the United States, which makes these relations asymmetric along the center-periphery axis. Such a policy is inconsistent and leads to acute humanitarian crises on the borders of the region's states. The administration of Joe Biden faces difficulties in reforming migration policy during the pandemic and growing public concern. The issue urges regional cooperation on a fairer and more equitable basis; otherwise, it is impossible to advance towards the promotion of legal migration.

Keywords: migration region, regionalization of migration, migration regionalism, migration policy, USA, Mexico, Central America, Joe Biden

About the author:

Irina P. Tsapenko – Doctor of Economics, Head of Section of Economic and Social Development and Migration Processes of the Center for Comparative Socio-economic and Political Studies of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997. E-mail: tsapenko@imemo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00001 A “Global and Regional Effects of US Economic Policy in the second – the beginning of the third decade of the XXI century: New Challenges and Chances for Russia”.

References:

- Benton M., Batalova J., Davidoff-Gore S., Schmidt T. 2021. *COVID-19 and the State of Global Mobility in 2020*. DC: Migration Policy Institute. 57 p.
- Castells M. 1996. *The Rise of the of Network Society. Vol. I: The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford: Blackwell.
- Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. (eds). 2005. *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. London, Pluto Press.
- Mabogunje A.L. 1970. Systems Approach to a Theory of Rural-Urban Migration. *Geographical Analysis*. №2. P. 1-18.
- Mareï N., Richard Y. 2020. Global Regionalization Processes and (Macro)Regional Integration. In Favor of Generalization in Geography. *Revue belge de géographie*. №4. 20 p. DOI: 10.4000/belgeo.43433
- Martin P. 1993. Trade and Migration: The Case of NAFTA. *Asian and Pacific Migration Journal*. №3. P. 329-367. DOI: 10.1177/011719689300200306
- Migration, Free Movement and Regional Integration*. 2017. Ed. By S. Nita, A. Pecoud, P. De Lombaerde, K. Neyts and J. Gartland. Paris: UNESCO – UNU-CRIS.
- Nita S. 2013. *Regional Migration Governance: A Comparative View*. Draft paper prepared for the UNRISD Conference Regional Governance of Migration and Socio-Political Rights: Institutions, Actors and Processes. Geneva. 12 p.
- Papademetriou D. 2020. *Managing the Pandemic and Its Aftermath: Economies, Jobs, and International Migration in the Age of COVID-19*. Washington, DC: Migration Policy Institute. 64 p.
- Pellerin H. 1999. Regionalisation of Migration Policies and Its Limits: Europe and North America Compared. *Third World Quarterly*. №5. P. 995-1011.
- Pierce S., Bolter J. 2020. *Dismantling and Reconstructing the U.S. Immigration System. A Catalog of Changes under the Trump Presidency*. Washington, DC: Migration Policy Institute. 122 p.
- Sanchez G. 2021. Time for a Wake-up Call? Mexico and Central America and Their Present and Future Migration Policy Challenges. *Migration Policy Practice*. №1. P. 21-44.
- Selee A., Soto A. 2020. *Building a New Regional Migration System: Redefining U.S. Cooperation with Mexico and Central America*. Washington, DC: Migration Policy Institute.
- Selee A., Giorguli-Saucedo S., Soto A., Masferrer C. 2019. *Investing in the Neighborhood: Changing Mexico-U.S. Migration Patterns and Opportunities for Sustainable Cooperation*. Washington, DC: Migration Policy Institute. 40 p.

Selm J. 2020. A Pandemic-fueled Approach to Immigration in the United States and the Neighbouring Region. *Migration Policy Practice*. №2. P. 40-47.

Selm J. 2021. The United States of America's Immigration Policy for 2021. *Migration Policy Practice*. №1. P. 37-40.

Soto A. 2020. *One Year after the U.S.-Mexico Agreement. Reshaping Mexico's Migration Policies*. Washington, DC: Migration Policy Institute. 21 p.

Efremova K.A. 2017. Ot regionalizma k transregionalizmu teoreticheskoe osmyslenie no-voi realnosti [From Regionalism to Transregionalism: Theoretical Comprehension of the New Reality]. *Comparative Politics Russiaa*. 8(2). P. 58-72. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72. (In Russian)

Glushchenko G.I. 2006. *Vliyanie mezhdunarodnoj trudovoj migracii na razvitie mirovogo i nacional'nogo hozyajstva* [Impact of International Labor Migration on the Development of the World and National Economy]. Moscow: Statistika Rossii. (In Russian)

Ioncev V.A. 1999. *Mezhdunarodnaya migraciya: naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International Migration: Population: Theory and History of Study]. Moscow: Dialog-MGU. (In Russian)

Ivakhniuk I.V. 2016. Razvitie migratsionnoi teorii v usloviakh globalizatsii [Development of Migration Theory in the Context of Globalization]. *Vek globalizatsii*. 1-2(17-18). P. 26-43. (In Russian)

Komkova E.G. 2018. Perspektivy NAFTA [Perspectives of NAFTA]. *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kultura*. №2. P. 5-19. DOI: 10.7808/S3254256418020015 (In Russian)

Kudeiarova N.Yu. 2019. Politizatsiia pograničnoi problemy SSHA i Meksika v regionalnoi migratsionnoi sisteme [Politicization of the Border Issue: USA and Mexico in the Regional Migration System]. *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kultura*. №11. P. 55-70. DOI: 10.31857/S032120680007286-8 (In Russian)

Kudeiarova N.Yu. 2021. Migratsionnaia problematika v amerikano-latinoamerikanskikh otnosheniakh konflikty i resheniia [Migration Issues in American-Latin American Relations (Conflicts and Solutions)]. *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kultura*. №7. P. 76-82. DOI: 10.31857/S268667300015577-4 (In Russian)

Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsij [Cultural Complexity of Modern Nations]. 2016. Ed. by V.A. Tishkov, E.I. Filippova. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russian)

Lebedeva L.F. 2019. Podkhody k ekonomicheskoi i sotsialnoi bezopasnosti v period prezidentsva D. Trampa [Approaches to Economic and Social Security during the Trump Presidency]. *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kultura*. №2. P. 29-42. (In Russian)

Lebedeva L.F., Aksenov P.A. 2021. Novaia ekonomicheskaiia politika dzhozefa baidena globalnoe izmerenie [Joseph Biden's New Economic Policy: a Global Dimension]. *Mezhdunarodnaia trgovlia i torgovaia politika*. 2(26). P. 7-16. DOI: 10.21686/2410-7395-2021-2-7-16 (In Russian)

Lebedeva M.M. 2013. Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya [Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(28). P. 38-42. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42 (In Russian)

Nikolskaia G.K. 2020. Diskussiia ob immigratsionnoi politike kak odno iz proiavlennii raskola v amerikanskom obshchestve [Discussion about Immigration Policy as One of the Manifestations of the Split in American Society]. *Obshchestvo i ekonomika*. №1. P. 91-106 (In Russian)

Ryazancev S.V., Tkachenko M.F. 2010. *Mirovoj rynek i mezhdunarodnaya migraciya* [World Market and International Migration]. Moscow: ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika». (In Russian)

Shipkov V.A. 2017. *Regionalizm kak ideologiya globalizma* [Regionalism as an Ideology of Globalism]. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russian)

Topilin A.V. 2021. O sistemnom podkhode k izucheniiu mezhdunarodnykh migratsionnykh protsessov [On a Systematic Approach to the Study of International Migration Processes]. *DEMIS Demograficheskie issledovaniia*. 1(1). P. 17-30. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.2> (In Russian)

Tsapenko I.P. 2017. Regionalizatsiia migratsionnykh protsessov [Regionalization of Migration Processes]. *Kontury globalnykh transformatsii politika ekonomika pravo*. №10. P. 70-85. DOI 10 23932 2542-0240-2017-10-4-70-85 (In Russian)

Tsapenko I.P. 2020. Migratsionnyi vopros v sisteme antikoronakrizisnogo upravleniia D Trampa [Migration Issue in D. Trump's Anti-crisis Management System]. *SSHA & Kanada: ekonomika, politika, kultura*. №9. P. 22-43. DOI 10 31857 S268667300010963-9 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Глуценко Г.И. 2006. *Влияние международной трудовой миграции на развитие мирового и национального хозяйства*. Москва: Статистика России.

Ефремова К.А. 2017. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности. *Сравнительная политика*. 8(2). С. 58-72. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72

Комкова Е.Г. 2018. Перспективы НАФТА. *США и Канада: экономика, политика, культура*. №2. С. 5-19. DOI: 10.7808/S3254256418020015

Ивахнюк И.В. 2016. Развитие миграционной теории в условиях глобализации. Часть 2. *Век глобализации*. 1-2(17-18). С. 26-43.

Ионцев В.А. 1999. *Международная миграция: населения: теория и история изучения*. Москва: Диалог-МГУ.

Кудярова Н.Ю. 2019 Политизация пограничной проблемы: США и Мексика в региональной миграционной системе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. №11. С. 55-70. DOI: 10.31857/S032120680007286-8

Кудярова Н.Ю. 2021. Миграционная проблематика в американо-латиноамериканских отношениях (конфликты и решения). *США & Канада: экономика, политика, культура*. №7. С. 76-82. DOI: 10.31857/S268667300015577-4

Культурная сложность современных наций. 2016. Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. Москва: Политическая энциклопедия.

Лебедева Л.Ф. 2019. Подходы к экономической и социальной безопасности в период президентства Д. Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура*. №2. С. 29-42. DOI: 10.31857/S268667300008239-2

Лебедева Л.Ф., Аксенов П.А. 2021. Новая экономическая политика Джозефа Байдена: глобальное измерение. *Международная торговля и торговая политика*. 2(26). С. 7-16. DOI: 10.21686/2410-7395-2021-2-7-16

Лебедева М.М. 2013. Акторы современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(28). С. 38-42. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42

Никольская Г.К. 2020. Дискуссия об иммиграционной политике как одно из проявлений раскола в американском обществе. *Общество и экономика*. 1. С. 91-106.

Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф. 2010. *Мировой рынок и международная миграция*. Москва: ЗАО «Издательство "Экономика"».

Топилин А.В. 2021. О системном подходе к изучению международных миграционных процессов. *ДЕМИС. Демографические исследования*. 1(1). С. 17-30. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.2

Цапенко И.П. 2017. Регионализация миграционных процессов. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 10(4). С. 70-85. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-70-85

Цапенко И.П. 2020. Миграционный вопрос в системе антикоронакризисного управления Д. Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 50(9). С. 22-43. DOI: 10.31857/S268667300010963-9.

Щипков В.А. 2017. *Регионализм как идеология глобализма*. Москва: МГИМО-Университет. 188 с.